

ДУХОВНОСТЬ ПО КОЛЕНУ В ГРЯЗИ

Николай Коляда – автор девяносто восьми пьес, шестьдесят семь из них ставят по всему миру, вплоть до Австралии). Живет в Екатеринбурге. По образованию он актер и прозаик. По призванию – строитель театра. Не только в возвышенном смысле (собирателъ труппы, автор стиля), но и в самом прямом (электропроводка, водоснабжение, пожарная сигнализация сделаны и его руками). Худрук «Коляда-театра», главное действующее лицо фестиваля «Коляда-plays». Генератор драматургической активности на Урале, ведет курс в местном театральном институте. А в общем, человек, который занимается любимым делом, знает цену свободы и готов за нее платить. Его рассказ о том, как живет маленький частный не столичный театр, известный далеко за пределами страны, кому-то могут показаться мастер-классом выживания, а кому-то дадут надежду.

« Я начал ставить не от хорошей жизни. В 93-м году в Екатеринбурге должен был проходить первый фестиваль по моим пьесам – приехало двадцать три театра. А перед этим фестивалем главный режиссер нашего академического театра драмы сказал, что мы тоже должны участвовать. Есть у меня пьеса – «Америка России подарила пароход» – на двоих. Ей за сорок, ему восемнадцать, мелодрама про неполучившуюся любовь. Режиссер мне и говорит: возьми, дескать, восемь исполни-

тельниц, а парень один, представляешь? Я как представил себе этот ужас – восемь баб на одного парня. Концепция! А можно, говорю, я сам поставлю? Взял свой «Полонез Огинского» и поставил так, что он потом шел десять лет. Очень мне понравилось это занятие, и я стал ставить в театре где-то раз в год. Но с директором договариваться было все труднее. В 2001 году я заплатил восемь тысяч рублей юристу и зарегистрировал свой театр: получил расчетный счет, печать.

Два года театр существовал без помещения. Потихонечку собиралась труппа. Сначала мы играли в подвале, в котором даже света не было. Я заплатил двадцать пять тысяч – появился свет. Через полгода мы сделали ремонт, но как только он закончился, объявилась фирма, которой принадлежал подвал, и разорвала с нами договор. К тому же наш подвал соседствовал с рестораном...

Года два мы воевали, пока нас окончательно не выселили. Тогда мы улеглись на матрасы прямо на улице Ленина и устроили голодовку. Три дня пролежали, пока не приехала министр культуры области и сказала, чтобы мы немедленно убирались, – по улице Ленина должен вот-вот проехать Нургалиев. После нее приехал министр госкомимущества. Но мы не уходили до тех пор, пока нам не дали помещение. Даже два – на выбор. Первым оказалось бывшее бомбоубежище. Приехал

За декорациями и реквизитом Николай Коляда ездит на местную барахолку.

МЫ СТАЛИ ДЕЛАТЬ ВСЕ САМИ. ЧТОБЫ ВОДУ ПОДВЕСТИ, НАДО БЫЛО ПРОКОПАТЬ КАНАВУ К ВОДОПРОВОДУ – ЕЕ КОПАЛИ МОИ ЗАСЛУЖЕННЫЕ АРТИСТЫ

я туда, спустился на сорок метров вниз и представил, как сюда будут дети к нам на сказки спускаться. Вторым помещением оказался деревянный дом: двадцать восемь маленьких комнаток, ни отопления, ни воды горячей-холодной, полгода пустой стоял. Мне сказали, что подвести к нему коммуникации стоит 50 миллионов. Мы стали делать все сами. Чтобы воду подвести, надо было прокопать канаву к водопроводу – ее копали мои заслуженные артисты. Вместо горячей воды у нас до сих пор стоит бак. За месяц мы разрушили эти 28 комнат и сделали помещение, похожее на театр.

Первым спектаклем, сыгранным здесь, стала «Птица Феникс». Там по тексту

герои млеют от жары, а в зале зрители кутались в шубы, на синих артистов же вообще смотреть было страшно. Так и зажили. Играем 50–60 спектаклей в месяц. В субботу-воскресенье в 11.00 и 13.00 идут детские, в 18.30 – взрослые. Еще у нас есть проект «Театр в бойлерной» – короткая пьеса или читка новой пьесы в 21.30. По четыре спектакля в день мы играем не от хорошей жизни – надо зарабатывать.

Недавно играли в Москве «Мойдодыра» на детском фестивале «Большая перемена». Приходит ко мне за кулисы Антон Лошак, продюсер, который возил в Одеон наш «Вишневый сад», «Гамлета», «Трамвай «Желание». Приходит со слезами: «Ох, Коляда, кроваво же вы деньги зарабатываете». Моя актриса Ирина Ермолова – Раневская, Офелия, Бланш Дюбуа – выходит в этом спектакле в костюме елочки с соответствующим

После спектакля «Ревизор» актеры «Коляда-театра» должны не только разгримироваться, но и помыть пол.

шим текстом. Конечно же, не должна артистка такого уровня играть в массовке. Однажды я им сказал – слушайте, вам, наверное, тяжело и неловко играть в детских утренниках, давайте я вас заменю. А они мне хором – нет, мы хотим! Мое воспитание. Актер должен выходить на сцену семь раз в неделю, как летчик – налетать побольше часов.

Говорят, у меня театр самодельный. Так вот, у меня нет ни одного любителя, все закончили Екатеринбургский театральный институт. Есть даже москвич. Он приехал на фестиваль «Коляда-plays», а потом несколько дней подряд приходил ко мне, просил взять в театр. «Сдурел, – говорю. – Все в Москву едут, там сериалы, деньги, возможности. Может, ты артист плохой?» «Нет, я хороший артист». Вот уже третий год работает у меня, нашел себе девушку здесь. А вот завхоза, художника по костюмам, сценографа, музыкального оформителя и прочее у меня нет. Сейчас, например, я начал ставить «Бориса Годунова». Когда был в Москве, придумал хитрую комби-

нацию – позвонил Евгении Кузнецовой, завлиту «Современника», попросил связаться с Павлом Каплевичем, чтобы он в каких-нибудь театрах поискал старое «боярское» тряпье, которое уже никому не нужно. Мы бы их обшили, перешили, бриллиантов фальшивых приделали – и тратиться не надо было бы.

Как всегда, у меня нет четкого плана. Я только представил себе Годунова – не гиганта в исполнении Шаляпина или Хворостовского – а маленького белобрысого шпынька, который всех держит в кулаке, морочит, интригует. У меня есть такой гениальный Олег Ягодин. Когда он читает монолог «Быть или не быть», особенно про насмешку недостойных над достойным, я в этот момент сижу в кулисе в гриме Призрака отца Гамлета и всегда плачу, и только потом вспоминаю, что у меня грим. Он все может.

После первой репетиции «Годунова» я поехал в магазин-амбар, где продается оборудование для торговли. Увидел плаху, на которой мясо рубят, за восемь тысяч. «Дайте мне ее», – говорю. Чертыхаясь, зачихали плаху в мою «Ниву-шевроле». Перед репетицией купил еще рыбы, куриц вареных. Позвал одного нашего полного артиста, раздел его по поясу, положил рыбу с курицами. Руби, говорю. А потом заставил положить его голову на это кровавое месиво. Накануне саундтрек записал – в машине, в пробке. Сначала спел пьяным голосом детскую песенку «Во саду ли, в огороде» (в театр нужно как можно больше тащить воспоминаний детства). Следующий трек на этот же мотив и тем же голосом – «Нельзя молиться за царя Ирода, богородица не велит». Еще один – «Ай да Пушкин, сукин сын». Потом – мешанину из собачки, богородицы, сукиного сына. Как будто сидит мужик, крепко выпив, смотрит в черное окно и поет, поет, хотя не пить, не петь сил уже нет. Так вот, лежит наш Максим головой на этом месиве, а хриплый голос поет про собач-

Как-то критики в Самаре сказали о том, что у меня сплошная грязь и нет любви к России.

ку и богородицу, про Пушкина и Борю Годунова. И так это было страшно, так красиво. Так по-русски.

Как-то критики в Самаре (а ведь очень театральный город!) сказали о том, что у меня сплошная грязь и нет любви к России. Это мы «Ревизор» привозили, который играем по колено в грязи. Даже гримуборные все в грязи. И вот, когда уходит последний зритель, мы выглядываем из своих комнаток: ушли? Ушли. Закатываем штаны и принимаемся мыть пол: и Хлестаков, и Городничий, и Марья Антоновна. Моем, за жизнь разговариваем, смеемся. Если до часу ночи успеем – хорошо. «Неужели у нас столько грязи, а где же духовность?» – говорят критики. А по мне, чем целоваться в бороду и крест носить, так лучше дело делать. Вот у меня есть мой маленький «огород» – мой театр. Я его возделываю и, как по-другому Россию любить, не знаю.

SPIRITUALITY KNEE-DEEP IN MUD

Nikolay Kolyada has written ninety eight plays, sixty seven of which are put into production throughout the whole world, as far as in Australia. He resides in Yekaterinburg. Following his education, he is an actor and a prose writer.

Following his calling, he is a builder of the theatre. Not only in the exalted sense (as a troupe gatherer and style author) but in the literal sense as well (electric wiring, water supply, fire alarm have been installed by him personally). The art director of the "Kolyada Theatre", the main personage of the "Kolyada-plays" festival. The generator of dramaturgic activity in the Urals who gives a course at the local theatre institute. And generally, a man who loves his work, knows the price of freedom and is willing to pay for it. His story about the life of a small private non-metropolitan theatre known far beyond the boundaries of the country might seem a workshop of survival to some and give hope to others.

“ The reason I started to stage did not lie in the fact that my life had been so good. In 1993 the first festival of productions based on my plays was to take place: twenty three theatres came to participate. And before that the main director of our academic drama theatre said that we should participate too. I have a play called "America gave Russia a steamship" for two actors. She's over forty, he's eighteen, a melodrama about love that failed. The director told me, "I would just take on eight actresses and one guy, can you imagine?" I did imagine that horrible picture – eight women per one guy. What a conception! I said, "May I stage my play myself?" I took my "Oginsky's Polonez" and staged it so that it was on for ten years. I really liked

I have such an actor of genius – Oleg Yagodin. When he reads the monologue "To be or not to be", I sit behind the scenes and always cry.

that work and I began to stage plays at the theatre approximately once per year. But each time it was more and more difficult to reach agreement with the director.

In 2001 I paid eight thousand Rubles to a lawyer and had my own theatre incorporated, got a settlement account and a seal. For two years the theatre existed without premises. Little by little the troupe formed. At first we played at a basement with not even light installed. I paid twenty five thousand Rubles – and the light appeared. Six months later we carried out repair works but as soon as we finished, there came a firm that owned the basement and cancelled the agreement with us. Besides, our basement was close to a restaurant...

We fought for two years until we were finally evicted. Then we settled on mattresses straight on Lenin Street and went on a hunger strike. We lay there for three days until the region minister of culture came and told us to leave the place immediately as Nurgaliyev was about to ride through the street. After that the minister of the State Property Committee paid us a visit. But we did not leave until we got a place, even two, so that we could have a choice. The first option was a former bomb shelter. I came there, went forty meters down and imagined how children would come to us to see fairy tales. The second place was a wooden house with twenty eight little rooms, no heating, no hot and cold water, and had stood empty for six months. I was told that it would cost 50 million to arrange for utilities in that house. We began to do everything ourselves. To supply water we had to dig a ditch to the plumbing system, it was dug by my honoured actors. We still have a boiler for hot water. It took a month to destroy those 28 rooms and make a hall looking like a theatre.

The first performance we showed there was "The Phoenix Bird". In accordance with the text, the characters delight in

AND I HAVE NO
ADMINISTRATIVE
MANAGER, STAGE
DESIGNER, MUSIC
DIRECTOR AND SO ON.

heat, however, our spectators in the auditorium wrapped themselves in fur coats and actors – blue with cold – were a horrible sight to look at. And so, our new life began. We give 50–60 performances a month. On Saturdays and Sundays we perform plays for children at 11.00 and 13.00 and productions for adults – at 18.30. We also have a project “Theatre in the Boiler Room”: a short play or reading of a new play at 21.30. We do not give four performances a day due to a happy life, we just need to earn money.

We have recently showed “Moidodyr” at the “Long Break” children’s festival. Anton Loshak – the producer who took our “Cherry Orchard”, “Hamlet”, “A Streetcar Named Desire” to the Odeon – came to the backstage to see me. He came in tears and said, “Oh, Kolyada, how bloodily you earn your money”. My actress Irina Ermolova – Ranevskaya, Ophelia, Blanche DuBois – comes out in that performance dressed as a little spruce tree with the appropriate text. Of course, an actress of such level should not act in the extras. I told them once, “Listen, it must be hard and awkward for you to perform in matinees for children. Let me substitute for you”. But they objected, “No, we do want it!” My school. An actor must come onto the stage seven times a week as a pilot must have a flying time of many hours.

They say, my theatre is an amateur one. Well, I don’t have a single amateur, everybody graduated from Yekaterinburg Theatre Institute. There is even one Muscovite in the troupe. He came to the “Kolyada-Plays” festival and then for a few days running came to me, asking to admit him to the theatre. “Are you crazy? – I

asked, – Everyone’s going to Moscow, there are soap operas, money and opportunities. Are you a bad actor, probably?” “No, I’m a good actor”. He’s been working with me for three years now and has found a girlfriend here.

And I have no administrative manager, stage designer, music director and so on. For instance, I’ve started to stage “Boris Godunov” now. When I was in Moscow, I devised an intricate combination: I called Eugenia Kuznetsova, the literary manager at the Sovremennik, asked to get in touch with Pavel Kaplevich so that he would look for the old “boyar’s” stuff no one needs any more in different theatres. We would re-saw, re-trim it and fix on fake diamonds and it would save us money. As always, I do not have a precise plan. I only imagined Godunov not as a giant portrayed by Chaliapin or Hvorostovsky but as a little fair-haired jester who holds

In accordance with the text, the characters delight in heat, however, our spectators in the auditorium wrapped themselves in fur coats and actors – blue with cold – were a horrible sight to look at.

everyone in his hand, fools them and carries on intrigues. I have such an actor of genius – Oleg Yagodin. When he reads the monologue “To be or not to be”, especially the part concerning the mockery of the worthy by the unworthy, I sit behind the scenes made up as the Ghost of Hamlet’s father and always cry. And only then I realize that I actually have make up on my face. He can do anything. After the first rehearsal of “Godunov” I went to a warehouse-shop where one can buy store equipment. I saw a block for meat chopping for eight thousand Rubles. “Give it to me”, I said. Swearing, they crammed the block into my Chevrolet-Niva. Before the rehearsal I also bought

fish and boiled chicken. I called a stout actor of mine, undressed him up to his waist, put fish and chicken on the block. “Chop”, I told him. Then I made him put his head on that bloody medley. The day before I recorded a soundtrack in my car in a traffic jam. First I sang a children’s song “Vo Sadu Li V Ogorode” (one should bring as many memories from childhood to the theatre as possible) in a drunk voice. The next track came as “One cannot pray for Herod, Mother of God forbids it” in the same tune and in the same voice. And after that – “What a Pushkin, what a son of a bitch!” And finally, a mix of the doggie, Mother of God and the son of a bitch. As if a heavily drunk guy sat looking out of a black window and sang, sang, though he had strength neither to drink nor to sing any more. So, our Maxim lay with his head in that medley and a hoarse voice sang a song about the doggie, Mother of God, Pushkin and Borya Godunov. And it looked so scary and so pretty. And so Russian.

Once critics in Samara (which is a very theatrical city!) said there was only filth and no love for Russia in my performances. It was after we brought there our “Inspector-General” that we perform knee-deep in mud. And when the last spectator leaves, we look out of our rooms to see: have they all gone? They have. We roll up our trousers and start washing the floor: Khlestakov and the mayor and Maria Antonovna. We wash, talk in a friendly way and laugh. If we manage to finish before 1 a.m., it is good. “Do we really have so much filth, where is spirituality?” the critics say. As for me, I’d rather do something useful than kiss each other in the beard and wear a cross. For instance I have my little “vegetable garden” – my theatre. I cultivate it and I don’t know how to love Russia in a different way.

Written down by Pavel Konstantinov